

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-77-91>
УДК 94(47).047+033

РАЗВИТИЕ ТОРГОВОГО ПРОЕКТА И ЕГО РОЛЬ В РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХ ОТНОШЕНИЯХ НАЧАЛА 1680-Х ГГ.

Даниил О. Манин

*Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
ул. Мира, д. 19, Екатеринбург, 620002, Российская Федерация*

Аннотация

Введение. В статье рассматриваются проблемы развития русско-французских переговоров об организации торговли между Россией и Францией в первой половине 1680-х гг. **Материалы и методы.** Уникальности исследования способствует использование дипломатических материалов как российских (Российский государственный архив древних актов), так и французских архивов (Archives du ministère des affaires étrangères), ранее широко не вовлеченных в научный оборот. Благодаря комплексному использованию документов обеих сторон исследование уточняет детали происходивших в посольствах событий и особенности их восприятия русскими и французскими придворными. Анализ переговоров, их подготовки и обеспечения проведен в контексте методологии новой дипломатической истории с целью установления роли торгового вопроса в развитии дипломатических связей между Россией и Францией. **Результаты.** Результаты исследования показывают существенную роль русско-французского торгового проекта в установлении прямых связей между Россией и Францией, независимых от изменений политики обеих стран в отношении Речи Посполитой и Швеции. В контексте русской придворной политики начала 1680-х гг. показано, что в сближении с Францией были заинтересованы как сторонники противостояния со Швецией, так и их противники, ориентированные на участие России в антиосманской коалиции. При этом подготовка торгового проекта приводила к аналитической работе в обеих странах, расширявшей их представления друг о друге, к интенсификации контактов между представителями обоих государств, а также возникновению сопряженных внешнеполитических проектов. **Заключение.** Работа дополняет сложившиеся в историографии представления об организации русских дипломатических миссий во Францию, сведения о роли в этом процессе руководства Посольского приказа, а также направляемых во Францию посланников и переводчиков, и их собственные представления о своем месте в этом процессе.

Ключевые слова: русско-французские отношения XVII в., кн. В. В. Голицын, история дипломатии, Посольский приказ, дипломатия Людовика XIV

Для цитирования: Манин Д.О. Развитие торгового проекта и его роль в русско-французских отношениях начала 1680-х гг. // История: Факты и символы. 2023. № 3 (36). С. 77-91, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-77-91>

Статья поступила: 14.04.2023

Статья принята в печать: 29.08.2023

Статья опубликована: 22.09.2023

© Манин Д., 2023

DEVELOPMENT OF THE TRADE PROJECT AND ITS ROLE IN RUSSIAN-FRENCH RELATIONS IN THE EARLY 1680s

Daniil O. Manin

*First President Yeltsin Ural Federal University,
st. Mira, 19, Ekaterinburg, 620002, Russian Federation*

Abstract

Introduction. The article considers the problems of Russian-French negotiations on the organization of trade between Russia and France in the first half of the 1680s. **Materials and methods.** The uniqueness of the study is facilitated by the use of materials from both Russian (Russian State Archive of Ancient Documents) and French archives (Archives du ministère des affaires étrangères), which have not previously been widely used in research. Thanks to the comprehensive use of documents from both sides, the study clarifies the details of the events that took place in the embassies and the specifics of their perception by the Russian and French courtiers. The analysis of the negotiations, their preparation and their procurement is conducted in the context of the methodology of new diplomatic history in order to establish the role of the trade question in the development of diplomatic relations between Russia and France. **Results.** The results of the study show the essential role of the Russian-French trade project in establishing direct connections between Russia and France, independent of changes in both countries policies towards the Polish-Lithuanian Commonwealth and Sweden. In the context of Russian court politics of the early 1680s, it is shown that both supporters of confrontation with Sweden and their adversaries, focusing on Russian participation in the anti-Ottoman coalition, were interested in rapprochement with France. At the same time, the preparation of the trade project led to analytical work in both countries that broadened their perceptions of each other, intensified contacts between representatives of both states, and led to the emergence of conjugate foreign policy projects. **Conclusion.** The work supplements the established in historiography conceptions of the organization of Russian diplomatic missions to France, the information about the role of the management of the Ambassador's office in this process, as well as the envoys and interpreters sent to France and their own perceptions of their place in this process.

Keywords: Russian-French relations in the 17th century, V. V. Golitsyn, history of diplomacy, Russian Ambassador's Office, diplomacy of Louis XIV

For citation: Manin D. Development of the trade project and its role in Russian-french relations in the early 1680s // History: Facts and symbols. 2023. Vol. 36. No. 3, pp. 77-91, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-77-91>

Received: 14.04.2023

Revised: 29.08.2023

Published: 22.09.2023

© Manin D., 2023

1. Введение

Одним из наиболее значимых элементов межгосударственных связей в раннее Новое время была торговля. Проекты организации и поддержания торговли развивались как в странах Западной Европы, так и в России. Именно торговые вопросы считались исследователями основными для франко-русского сближения в XVI – первой половине XVII вв. [36, р. 36–38; 3, с. 1], но их значение во второй половине XVII в. сохранялось и даже возрастало, несмотря на то что роль торгового проекта изменялась и переосмыслялась.

Интерес к русско-французским дипломатическим связям в 1680-х гг. возникал у исследователей в конце XIX в. и отчасти был связан с формированием русско-французского союза в этот период. Публикация части архива министерства иностранных дел Франции, посвященной отношениям с Россией, была произведена французским архивистом А. Н. Рамбо, им же были даны комментарии к изданным источникам, которые складывались в первичную историографическую картину [36, р. 39–90]. Также в 1892 г. вышла монография П. В. Безобразова, во многом основанная на публикации А. Н. Рамбо и материалах, ранее собранных С. М. Соловьевым в многотомной Истории России [3, с. 1–32], наконец в 1904 г. была издана работа Н. Н. Бантыш-Каменского, упорядочивающая информацию о русских посольствах во Францию на основе материалов главного архива Министерства иностранных дел [2, с. 78–85]. В дальнейшем обращение к истории русско-французских дипломатических связей происходило чаще всего при подготовке исторического комментария к публикациям источников, это направление начиналось со сборников РИО [25, с. 1–19, 399–408] и далее проявлялось при публикации статейного списка посланника П. И. Потемкина за 1668 г. [26, с. 227–318], а также переписки русских царей с королями Франции до начала XVIII в. [6, с. 10–59]. Во франкоязычной историографии контакты с Россией второй половины XVII в. изучались как часть дипломатии Людовика XIV, особое внимание в последних работах получают вопросы дипломатической репрезентации и особенностей посольских практик [32, р. 38–38; 38, р. 323–336], реже Россия рассматривалась как одно из направлений французской торговли в странах Северной Европы [31, р. 156–204; 34], но это направление может быть существенно дополнено привлечением русскоязычных источников. Другой историографической тенденцией стало рассмотрение контактов с Францией этого периода в контексте русско-польских отношений, достижения такого взгляда на русско-французские связи представлены в работах Е. Е. Замысловского, И. Б. Грекова и Б. Н. Флори [11; 10; 28, с. 139–146]. Впрочем, это направление остается достаточно перспективным для изучения благодаря богатству источниковой базы и, в целом, сложно отрицать что все русские посольства второй половины XVII в. во Францию касались прежде всего проблем русско-польских отношений. Тем не менее вопросы развития торговли стоит рассматривать как отдельный сюжет русско-французского взаимодействия, который в перспективе мог стать основной для регулярных дипломатических связей между Россией и Франции, качественно отличной от сложившейся системы ситуативных связей, продолжавших польскую и балтийскую политику обоих государств. Изучение того, как русские посланники и французские министры выстраивали обсуждение вопросов торговли, может значительно расширить знания об экономических и внешнеполитических представлениях сторон в XVII в. и продемонстрировать как существовавшие возможности к русско-французскому сближению, так и факторы ему противодействовавшие.

2. Материалы и методы

Данная статья посвящена проблемам истории русской дипломатии, в контексте контактов с Францией в первой половине 1680-х гг. В основе исследования лежит методология новой дипломатической истории, которая позволяет отойти от государство-центричного подхода и сфокусироваться на роли социальных отношений и творческом потенциале акторов системы [33, р. 4–7; 38].

В основу источниковой базы исследования вошли материалы архива Министерства иностранных дел Франции [30] и Российского государственного архива древних актов [19; 20; 21; 22; 23; 24]. Эти материалы включают в себя французские источники о приеме русских посольств: отчеты о дипломатическом церемониале, записки придворных об особенностях поведения русских посланников, а также аналитические выписки подготовленные для короля и министра иностранных дел Франции с целями изучения основных предложений русских посланников и их применения во французской внешней политике. Среди российских архивных материалов выделяются посольские книги, содержащие как написанные

посланниками статейные списки, отчеты об их миссии, так и аналитические материалы, привлеченные для подготовки посольств и допросные речи, содержащие комментарии со стороны посланников отдельных эпизодов их миссия, показавшимися спорными для сотрудников Посольского приказа. Обилие источникового материала позволяет прийти к широким выводам, с учетом множественных точек зрения разных участников изучаемых событий.

3. Результаты

Торговые проекты как при русском, так и при французском дворах рассматривались как неотъемлемая часть внешней политики государства и занимали в 1660-х гг. особое место в программах Ж.-Б. Кольбера и А. Л. Ордина-Нащокина [27, с. 208; 34, р. 11]. Именно благодаря их инициативе торговый проект активно развивался в конце 1660-х гг. С русской стороны решающее значение имело заключение в 1667 г. Андрусовского перемирия, когда А. Л. Ординым-Нащокиным, возглавившим Посольский приказ, были направлены посольства в большинство европейских стран, в т.ч. во Францию, для их уведомления о подписании перемирия и для реализации внешнеполитической программы А. Л. Ордина-Нащокина. Эта программа включала в себя развитие торговых связей с западными странами: Испанией и Францией [27, с. 208], которые ранее не были регулярно вовлечены в дипломатические контакты с Россией.

Предложение русского посольства развить торговлю между странами было тепло воспринято при французском дворе, в эпоху фактического господства генерального контролера финансов Франции Ж.-Б. Кольбера во французской политике [4, с. 266–267], т.к. его собственная экономическая программа включала в себя конкуренцию с Голландией на всех направлениях ее торговли, в т.ч. и в торговле с Россией [18, с. 30].

Среди деятельности Ж.-Б. Кольбера особую значимость для дальнейшего развития торгового вопроса сыграл проект торгового договора, который был представлен русскому послу П. И. Потемкину в 1668 г. Проект состоял из 13-и статей, они включали в себя декларацию мирных, дружеских и союзных отношений между странами (в терминах «*paix*», «*confederation*», «*amitié*» и «*alliance*»), свободу в торговле русских во Франции с уплатой стандартных для иностранцев пошлин, свободу в найме складов, беспрепятственную транспортировку товаров водными путями через Францию, освобождение от пошлин за перегрузку товаров на другое судно, свободу в продаже любых товаров, возможность назначения приказчиков (*commis*), управляющих (*directeurs*) и консулов (*consuls*) с судебными полномочиями, а также свободу вероисповедания для русских купцов [30, fol. 34–35]. Предполагалось распространить положения этих статей на французских подданных, торгующих во владениях царя и также оказывать им содействие (*assistance*) в организации торговли с Персией. Исходя из особенностей перевода двух последних статей в русском статейном списке, обе переведены как вопросы о возможности такой организации французской торговли [26, с. 273], можно предположить, что подразумевалось их дальнейшее обсуждение. Помимо этого, в проекте предполагалось установить для французских подданных особый пошлинный режим, в половину от тех пошлин, которые были наложены на прочих иностранцев в России, а также запретить изымать у французов их товары, что сделало бы подданных французского короля привилегированной корпорацией, по аналогии с положением английской Московской торговой компании до середины XVII в. [8, с. 50] или французских подданных в Османской империи.

Ознакомившись с переводом договора, посланник П. И. Потемкин отметил, что не уполномочен принимать такой документ, а французской стороне для его обсуждения стоит направить ответное посольство [26, с. 275]. Представители парижских цехов были им предупреждены о запрете ввоза в Россию табака и крепкого алкоголя и получили в устной

форме разрешение торговать в городах России, в частности, в Архангельске¹. К следующему году цеха, согласно сообщениям Курантов, уже подготовили к отправке первые 6 кораблей [26, с. 277]. Вероятно, что во Франции к концу 1660-х гг. закрепилось представление о необходимости установления русско-французской торговли исключительно в Архангельске, без основания торговых постов во внутренних городах России, что отразилось в наиболее популярном трактате о коммерции Ж. Савари [37, р. 100]².

Дальнейшему развитию франко-русского торгового проекта мешало открытое военное столкновение между Францией и Голландией в 1672–1676 гг., как из-за нехватки ресурсов для организации амбициозного торгового проекта, так и из-за доминирования голландской торговли в северных морях и на территории России [8, с. 50–51]. Также этому способствовал упадок влияния Ж.-Б. Кольбера при французском дворе связанный, с одной стороны, с конкуренцией с маркизом де Лувау и его клиентелой, а с другой – с утратой королевского доверия [4, с. 442; 16, с. 202–203]. Вероятно, что Ж.-Б. Кольбер не стремился форсировать противостояние с Голландией, и его контрагенты в России также настаивали на необходимости сотрудничества с голландскими предпринимателями, уже закрепившимися в торговле с Россией, для успешной деятельности французской Северной торговой компании на ее территории [34, р. 25]. В целом, и в России глобальные международные проекты в 1670-х гг., после отставки А. Л. Ордина-Нащокина, уступили место региональной политике с целью закрепления на Украине [13, с. 237], в контексте которых сближение с Францией имело значительно меньший потенциал.

Возвращение к торговому проекту произошло в начале 1680-х гг. Наиболее подробно внешнеполитическую ситуацию, сложившуюся накануне посольства 1680–1681 гг. рассмотрел Б. Н. Флоря. С его точки зрения решение об отправлении посольства было связано с заключением между странами Западной Европы Нимвегенского мира (1676 г.) и русскими планами по международному противостоянию Османской империи [28, с. 140–141], укрепившей в 1670-х гг. свое присутствие на Украине. Также вероятно, что на курс Посольского приказа влияли действия польского короля Яна Собеского, предпринимавшего в 1679 г. попытки заручиться поддержкой Франции в противостоянии с османами, о которых в России было известно [14, с. 47]. Показательно, что посольству предшествовали переговоры русских послов с маркизом де Бетюном, французским чрезвычайным посланником в Речи Посполитой, посвященные возможности включения Франции в антиосманскую коалицию после заключения русско-польского союза [28, с. 145]. Несмотря на то что маркиз отверг проект договора, предложенный ему 10 мая 1680 г. [28, с. 145], в июне к нему была направлена верительная грамота Людовика XIV, уполномочивавшая де Бетюна, в статусе чрезвычайного посланника вести переговоры с русскими представителями о возможности французского посредничества для заключения мирного договора между Россией и Речью Посполитой [36, р. 66]. Возможно, де Бетюну даже удалось посетить Москву, но, к сожалению, сохранилось лишь фрагментарное описание этой миссии, посвященное русским посольским церемониям, установить достоверность которого затруднительно [36, р. 67]. Основываясь на материалах статейного списка П. И. Потемкина о посольстве 1680–1681 гг. можно предположить, что переговоров о торговле до прибытия П. И. Потемкина во Францию не происходило, т.к. по-

---

¹ С точки зрения Б.Н. Флори русско-французский торговый проект мог быть частью стратегии А.Л. Ордина-Нащокина по дипломатической изоляции Швеции и приобщению России к прямой балтийской торговле [27, с. 211–212].

² Савари был одним из приближенных Ж.-Б. Кольбера и, вероятно, что в его сочинении отразилась официальная позиция близких к генеральному контролеру финансов кругов. Представление о возможности транзитной торговли через Волгу с Персией во Франции также существовало благодаря сочинению А. Олеария и в 1660-х гг. было отражено в работе французского негоданта Ж.-Б. Тавернье [см. 39, р. 300–329].

сланник подчеркивал, что после 1668 г. в Москву не прибывал представитель короля Франции для обсуждения торгового договора [23, л. 83об].

Тем не менее, при подготовке посольства стольника П. И. Потемкина и дьяка С. Полкова во Францию, Испанию и Англию в Посольском приказе вновь обратились именно к торговому проекту. Наказ посольству 1680–1681 гг. подразумевал заключение договора на следующих условиях: московским купцам предоставлялась вольная морская и сухопутная торговля во Франции, возможность свободно нанимать дворы, амбары и погреба, пошлины французские власти должны были брать только с продаваемых русскими купцами товаров (а не с покупаемых), русским предоставляли в стране торгового агента и консула для ведения суда, наконец, им должна быть предоставлена свобода богослужения. Взамен же, испанским¹ и французским купцам разрешалось вольно приезжать к Архангельску без заповедных товаров (табака и крепленого вина), уплачивая пошлины по Новоторговому уставу 1667 г.: уточнялось что пошлина с «весчих товаров» (которые возможно взвесить) составит 10 денег с рубля, а с остальных – 8 денег, отдельно расписывались пошлины для разных сортов вина [20, л. 3–9]. Также, согласно наказу, посланники должны были подчеркнуть, что посредническая торговля русскими товарами через других иностранцев для французов невыгодна и им следует развить собственную прямую торговлю в Архангельске [22, л. 118а]. Сравнение проекта 1681 г. с французским предложением 1668 г. показывает, что основная часть французских формулировок была принята в Посольском приказе и в развитии этого проекта происходило уточнение, а не переосмысление, отдельных положений возможного договора.

Рассмотренная часть наказа, посвященная вопросам торговли во Франции, совпадала с аналогичными инструкциями для Испании, но представляется, что французская часть миссии была более значима, т.к. в поминки посланникам было выдано 5 тыс. рублей соболями, в то время как для Испании и Англии поминки не были предусмотрены [19, л. 2].

О том что торговый вопрос был важной частью миссии посольства во Францию может свидетельствовать то, что уже после отправления посольства ему через почту были направлены дополнительные инструкции о необходимости поднять вопрос о пропуске французских торговцев в Персию. В отличие от предыдущих пунктов, это условие было уникальным для французской стороны, в переговорах с Испанией оно не предполагалось. Условиями проезда французских купцов в Персию была оплата ими пошлин как на ввозе товаров в Архангельске, так и на вывозе их из Астрахани; также запрещалось везти табака более чем 20 фунтов на человека, для личного употребления; нельзя было вывозить из России в Персию драгоценные металлы, а вывозить из Персии разрешалось только шелк-сырец, чтобы не лишать Москву ценных товаров; также при продаже шелка в России следовало платить дополнительную пошлину [19, л. 16–18].

Ко времени прибытия П. И. Потемкина во Францию, которое произошло 28 марта 1681 г., расстановка сил при французском дворе кардинально изменилась. Фактическое всевластие Ж.-Б. Кольбера 1660-х гг. сменилось противостоянием различных придворных фракций [4, с. 442]. Многие торговые проекты Ж.-Б. Кольбера оставались полноценно не реализованы, в т.ч. и проект Северной торговой компании, но их реализация могла способствовать продвижению сохранившемуся клану Кольберов. Основным представителем этого клана при дворе был министр иностранных дел Франции Ш. Кольбер де Круасси, младший брат Ж.-Б. Кольбера. Посланники пытались настоять на высоком ранге переговоров: назначить им 3-х советников, провести переговоры в королевском дворце, но Людовик XIV согласился лишь дать им дополнительно отпускную аудиенцию перед отъездом [25, с. 8–10]. 19 апреля 1681 г. де Круасси провел переговоры с посланниками в Париже, на которых

---

¹ Эта часть наказа распространялась и на Испанию, и на Францию, т.е. на основе французского проекта 1668 г. планировалось сближение и с Испанией.

П. И. Потемкин, согласно его статейному списку, подтвердил готовность предоставить Франции транзитный путь в Персию [23, л. 91]. Вероятно, что именно с деятельностью де Круасси посланники связывали возможности дальнейших успехов переговоров, т.к. ему были выданы поминки «сорок соболей во сто в десять рублей ... для того, чтоб в королевской грамоте великого государя, его царского величества, именованье и титула написано было сполна и чтоб он в делах великого государя всяково добра хотел» [24, л. 18об].

Несмотря на то, что договор вновь не был заключен, вместе с возвращавшимся русским посольством царю была отправлена официальная грамота от Людовика XIV. В ней король подтвердил ряд статей договора, включая положение о свободной торговле французских подданных в России и русских – во Франции, а также отдельно оговаривалась свобода вероисповедания для русских купцов на французской земле. В дополнение к этому в своей грамоте король указывал что получил известие от торгующих в Северной Европе французов, подтверждавших возможность прибыльной коммерческой деятельности, в случае привилегированного статуса французских подданных по отношению к прочим иностранцам, возвращая вопрос о создании привилегированного положения для французов. Продолжить обсуждение проекта король, согласно грамоте, намеревался в Москве, отправив ответное посольство для заключения договора [20, л. 2–2об]. Грамота была доставлена в Россию с возвращением посольства в мае 1682 г., но, возможно, что она была сдана в Посольский приказ вместе со статейным списком только 8 апреля 1683 г. [19, л. 71], из-за стрелецкого восстания в столице. Дальнейший разбор итогов посольства происходил в России уже в 1684 г.

Несмотря на то, что для обсуждения торгового проекта в 1681 г. русские посланники встретились только с Ш. Кольбером де Круасси, проект не остался без внимания со стороны французского правительства. Русские посланники покинули Францию в мае 1681 г., а уже в июле 1681 г. к де Круасси от неназванного резидента в Москве было отправлено письмо о перспективах франко-русской торговли, которое было получено в Париже 20 августа¹. Резидент, согласно его письму, нанес визит некоему князю (М. Кнеес), одному из основных государственных министров. После поздравления его с заключением Бахчисарайского мира резидент предложил поставить во главу угла вопрос торговли с королем Франции и отмену обременительных для этой торговли пошлин. В ответ неназванный князь подчеркнул, что главным положением подготовленного договора является разрешение провоза через Россию шелка, о котором король Франции ранее просил московское правительство². Все же, несмотря на обсуждение с князем, французский корреспондент, основываясь на своих разговорах с прочими русскими людьми, не считал возможным заключение договора, т.к. основным поводом к нему, с их точки зрения, была необходимость посреднической роли Франции в отношениях России с Польшей и Швецией, что более России не требуется в связи с заключением русско-турецкого мира, также и различия в нравах (*humeurs*) между русскими и французами казались резиденту слишком непреодолимыми чтобы договор мог долго существовать [30, fol. 144–144r]³. Возможно, что разговор французского резидента происходил с князем В. В. Голицыным⁴, впоследствии активно участвовавшим в продвижении рус-

¹ Письмо было опубликовано в одном из сборников РИО, но было неверно идентифицировано как инструкция маркиза де Круасси к резиденту в Москве, в связи с чем под «князем» издатели понимали посланника П. И. Потемкина, с которым де Круасси вел переговоры в Париже. Тем не менее, Потемкин не имел княжеского титула, а в тексте письма нет указаний на отправление этого письма из Парижа [25, с. 399–401]. На наш взгляд, более удачно документ был идентифицирован в его французской публикации [36, р. 74].

² Вероятно, этим прошением можно считать французский проект 1668 г., содержащий пункт о свободном проезде французов в Персию.

³ Интересно, что такая точка зрения появилась несмотря на активно развивавшуюся в XVII веке франко-османскую торговлю.

⁴ Эту точку зрения выдвинул А. Н. Рамбо, опубликовавший это известие из Москвы [См.: 36, р. 74]

ско-французского торгового проекта и занимавшего в царствование Федора Алексеевича достаточно высокое положение, чтобы считаться «одним из основных Министров этой страны» («un des principaux Ministres de ce pays-ci») [30, fol. 144–144r]. В любом случае, даже несмотря на затруднения в установлении достоверности известий резидента из Москвы, сам факт их наличия может служить показателем заинтересованности министра иностранных дел Франции в развитии торгового проекта, вопреки точке зрения о его отчуждении от этого вопроса, закрепившейся в историографии [25, с. 399–400; 3, с. 27]. Вероятно, что следствием заинтересованности французов в отправлении ответного посольства стала неформальная встреча французского посла в Стокгольме с присланным в Швецию подьячим Н. Алексеевым. Интерес к миссии подьячего проявлял сам Людовик XIV. Встретившись с Н. Алексеевым, французский посол стремился получить информацию о положении дел в Москве после стрелецкого восстания, при этом он ссылаясь на наличие у него известий из Нарвы и Риги [12, с. 125–127]. Таким образом, вновь проявлялась заинтересованность французов в положении дел в России, которой способствовало наличие информации из Прибалтики.

Благодаря сохранившимся дипломатическим инструкциям можно уверенно утверждать, что именно обсуждение торгового проекта должно было стать поводом для визита в Россию первого официального французского чрезвычайного посланника (*envoyé extraordinaire*) де ла Пикетьера в 1683 г.¹ Предполагалось, что ему будет вручена записка французских купцов, торгующих на Севере, но основной целью его визита должно было стать обсуждение вступления России в антишведскую коалицию вместе с Данией и Бранденбургом [30, fol. 147r–148]. Посланнику необходимо было действовать в Москве по ситуации и после прибытия направить королю отчет о состоянии двора и проявленном царем расположении к посланнику. Пересылать зашифрованный отчет следовало через французских резидентов в Копенгагене, Гамбурге, либо в Польше [30, fol. 148–148r]. Для своей миссии де ла Пикетьеру было предписано действовать, тесно сотрудничая с дипломатами Дании и Бранденбурга. В свою очередь, о сближении Франции с Данией и Бранденбургом было известно в Посольском приказе и, согласно известиям датского посла в Москве Г. фон Горна, именно у него возглавивший Посольский приказ кн. В. В. Голицын интересовался о причинах, по которым Москву так и не посетил французский посланник [29, с. 91]. Исходя из дальнейшей политики кн. В. В. Голицына можно предположить, что уже на этом этапе он мог быть заинтересован в прибытии посланника из Франции.

В контексте русско-датских отношений проект торгового договора России с Францией также имел свое значение. На одном из обсуждений возможности вступления России в антишведскую коалицию в Москве, согласно записям фон Горна был поднят вопрос о потенциальных проблемах торговли России с Англией и Голландией, союзниками Швеции, в случае начала войны. Касательно этой проблемы датский посланник заметил, что англичан и голландцев будут готовы заменить французские торговцы [29, с. 90]. Возможно, что переданная де ла Пикетьеру записка французских купцов могла бы служить подтверждением этой возможности. Таким образом, развитие русско-французской торговли, с одной стороны, наделялось датским посланником конкретным практическим содержанием, переставая быть исключительно поводом для развития двусторонних дипломатических связей, а с другой – создавало еще более перспективный образ развития отношений России с Францией, позволивших бы балансировать между французами и другими группами торговцев из европейских стран в осуществлении внешней политики России.

Вероятно, что в 1683 г. вопрос об организации дипломатических связей с Францией существовал не только в разговорах между кн. В. В. Голицыным и датским посланником.

---

¹ В инструкциях де ла Пикетьеру отсутствует дата, вероятно, они были составлены вместе с официальной грамотой к царю, которая датирована июлем 1683 г. [См.: 30, fol. 152].

Фон Горн, со своей стороны, находил при русском дворе целую продатскую партию, заинтересованную в сближении с Данией, Бранденбургом и Францией. Он отмечал активность сторонников Нарышкиных, в лице кн. В. А. Голицына, который в июле 1683 г. просил фон Горна направить письмо к датскому королю Кристиану V для организации поддержки царю Петру со стороны Франции, Англии и Бранденбурга. С другой стороны, датский дипломат упоминал что в ходе секретных переговоров с думным дьяком Е. Украинцевым, фактически вторым лицом в Посольском приказе, тот предлагал ему проект союза России с Данией, Бранденбургом и Францией против Швеции, рекомендуя продолжить обсуждение с кн. В. В. Голицыным [7, с. 144]. Достоверность этой части известий фон Горна подтвердить затруднительно, но сложно отрицать что отношения с Францией теперь были актуализированы не только антиосманским проектом, но и борьбой между сторонниками мира со Швецией и его противниками, среди которых фон Горн в разных формах продвигал не только продатские, но и профранцузские проекты. Впрочем, де ла Пикетьер так и не прибыл в Россию, что фон Горн связывал с официальным подтверждением Кардисского мира между Россией и Швецией, которое произошло весной 1684 г. и продемонстрировало отказ руководства Посольского приказа от участия в антишведской коалиции [7, с. 149].

Тем не менее, интерес к организации контактов с Францией в русском внешнеполитическом ведомстве не пропадал. В 1684 г., накануне отправления во Францию посольства С. Е. Алмазова, в Посольском приказе под руководством кн. В. В. Голицына и дьяка Е. Украинцева был проведен допрос посланника П. И. Потемкина вернувшегося из Франции в мае 1682 г. Миссия Потемкина, по всей видимости, имела особое значение для кн. В. В. Голицына. Так в своем письме к Е. Украинцеву, которое по датировке В. И. Буганова появилось ранее 30 мая 1682 г., князь писал: «А Петра Потемкина к руке до моего приезде к Москве не ставь, хотя и укажут ставить» [9, с. 67]. Несмотря на то, что сохранившиеся материалы допросных речей П. И. Потемкина датированы 1682 г. [19, л. 85], тот факт, что в них упоминаются события 1683 и 1684 гг. представляются основанием для датировки окончательного текста речей 1684 г. Вопреки тому, что французская пресса оценивала П. И. Потемкина как наиболее компетентного человека во всей Московии для ведения переговоров во Франции [35, р. 234], допросные речи демонстрируют неудовлетворенность в Посольском приказе итогами миссии. Наиболее серьезным недочетом в деятельности посланника во Франции стало принятие грамоты с неправильным царским титулом, в ней отсутствовал титул «великий государь». Отмечалось, что получение грамоты было первостепенной задачей миссии, что «послан он был к тем государем только с поздравлением, а не для иных каких дел» [19, л. 85]. Тем не менее, в вину посланнику также вменялось, что во Франции и Испании он не поднял вопрос о возможности транзитной торговли их подданных с Персией через территорию России, отмечалось, что «то дело надобное, и естли б то дело пришло до договору и от того б было государеве казне пополнение многое» [19, л. 93]. В свою очередь, П. И. Потемкин утверждал, что в его наказе вопроса о транзите в Персию не было [19, л. 93], вероятно, что он ссылаясь на первую версию наказа, вопреки тому, что им были получены дополнения к ней. В целом, несмотря на то что формально торговый проект не был основной целью посольства, в Посольском приказе видели целесообразность его развития и даже отмечали его возможную экономическую выгоду.

Неудачные для Посольского приказа результаты посольства П. И. Потемкина, выявленные в допросных речах, должно было скорректировать отправленное в 1684 г. посольство стольника С. Е. Алмазова и дьяка С. Иполитова. Эта дипломатическая миссия наименее освещена в историографии среди русских посольств во Францию второй половины XVII в. [38, р. 232–336], но представляется, что она должна была иметь серьезное значение для внешней политики кн. В. В. Голицына. С. Е. Алмазов был опытным дипломатом, как и П. И. Потемкин, ранее отправляемый в Данию, в т.ч. вместе с коллегой П. И. Потемкина по его французскому посольству 1668 г. дьяком С. Румянцевым [22, л. 30б]. Также он являлся

сводным братом бывшего главы Посольского приказа А. С. Матвеева [13, с. 293], что способствовало его карьере в 1670-х гг. и стимулировало его активную вовлеченность в дипломатические службы.

Подготовка к новому посольству, направленному исключительно к королю Франции, была проведена более основательно. Она началась в конце 1684 г. и в декабре был издан царский указ о направлении посланников [22, л. 1]. Отдельно об отправлении посольства был уведомлен украинский гетман [22, л. Хоб], вовлеченный во внешнеполитическую программу кн. В. В. Голицына. Для уточнения финансирования посольства в приказе была использована информация о всех предшествующих посольских миссиях во Францию, начиная с посольства И. Кондырева 1615 г. [22, л. 13]. Помимо учиненного допроса П. И. Потемкину из материалов посольской книги видно, что для подготовки миссии привлекли сведения о реальной торговле французов на территории России. В марте 1685 г. кн. В. В. Голицын удовлетворил просьбу графа Ф. де Комменжа¹ о его свободном проезде в Персию, с него полагалось не брать пошлин с драгоценностей и 30-и ведер вина, которые, по заявлению де Комменжа, требовались для собственного употребления из-за дальности пути [21, л. 5–8]. Несмотря на то, что путешествие де Комменжа не состоялось, он заболел по дороге в Казань, а на следующий год застрелился [1, с. 9], это был важный прецедент для Посольского приказа, который подтверждал интерес французских подданных к транзитной торговле с Персией.

Заинтересованность русского дипломатического ведомства в результатах этой миссии также может подтверждать назначение в качестве переводчика И. Тяжкогорского, наиболее многоязычного и достаточно востребованного переводчика Посольского приказа [15, с. 77; 22, л. 21об], несмотря на то, что традиционным считалось отправление во Францию переводчиков средней статьи [22, л. 17]. Стоит подчеркнуть, что И. Тяжкогорский среди прочего считался компетентным переводчиком с французского языка², вопреки закрепившейся в историографии точки зрения о том, что русские дипломаты во Франции не имели собственных переводчиков с французского [5, с. 340]. В качестве толмача с посольством был отправлен И. Сидоров, специализировавшийся исключительно на французском языке [22, л. 21–22]. Для успеха дипломатической миссии в Посольском приказе провели аналитическую работу по вопросу написания царского титула во Франции, который ранее становился камнем преткновения между сторонами и препятствовал ведению переговоров. Благодаря этому в наказе посланникам были подробно определены стратегии защиты верного написания титула [22, л. 44об].

Одной из основных целей посольства С. Е. Алмазова, определенной наказом, было напоминание об обещании короля прислать в Россию послов для заключения договора, однако торговая составляющая договора в наказе более не выходила на первый план. Прежде всего рассматривались вопросы уведомления короля о русско-польских мирных переговорах, привлечение Франции к антитурецкой коалиции и защиты верного написания царского титула [22, л. 96]³. Тем не менее, о самом проекте торговли посланникам предписывалось начать разговор в любом случае, при наличии инициативы с французской стороны или без нее, условия оставались аналогичны проекту, предложенному П. И. Потемкиным в 1681 г., для этого в наказ посланникам была включена копия наказа 1681 г., посвященная торговому проекту [22, л. 112об]. Отдельно подчеркивалось, что если французская сторона попросит о

¹ Филипп де Комменж был католиком французского происхождения, проживавшим в немецкой слободе [См.: 1, с. 9].

² Сам И. Тяжкогорский, исходя из его челобитной, считал себя значительно более опытным чем ранее отправляемые во Францию переводчики, в связи с чем просил большее жалование, которое ему было назначено в 170 рублей, вместо изначальных 70-и [22, л. 34–34об].

³ Показательно, что ранее русские дипломаты не раз делали заявления об обязательности включения Франции в антитурецкую коалицию для ведения дальнейших переговоров о Вечном мире [См.: 14, с. 159, 181].

предоставлении права транзитной торговли с Персией, то оно будет им предоставлено [22, л. 119], но никакие пошлины отменены не будут [22, л. 124]. Если французы будут готовы заключить договор, посланникам следовало через почту направить письмо в Москву и дожидаться царского указа [22, л. 122об–123].

4. Заключение

Несмотря на то, что посольство С. Е. Алмазова не привело к заключению торгового договора, а в дальнейших посольствах стали преобладать вопросы организации антиосманской коалиции, сам проект, существовавший во второй половине XVII в. и достигший своего наивысшего развития в России в первой половине 1680-х гг., имел основополагающее значение для русско-французских дипломатических отношений. Развитие проекта вело к более частым контактам России с Францией, а его реализация могла привести к установлению регулярных связей между странами. Возможно, что наличие французов в России, таких как граф Ф. де Комменж, могло рассматриваться в Москве как причина для назначения в Россию французского торгового представителя, по аналогии с представителями англичан, голландцев, датчан и шведов [см. 17, с. 11], что также способствовало значительному упрощению контактов московского правительства с дипломатами Людовика XIV.

Для разных акторов русской дипломатии установление регулярных связей с Францией имело разное значение, эти контакты могли быть использованы для вовлечения Франции в русские внешнеполитические проекты: в решение балтийского вопроса, в регулирование отношений с Речью Посполитой и в противостояние с Османской империей. В условиях отсутствия регулярных связей для этих целей необходимо было подготавливать дорогостоящие и часто длительные посольские миссии или пользоваться неформальными контактами через посредничество дипломатов других стран или французских представителей в странах Восточной и Северной Европы. В целом, сближение с Францией оказывалось не только частью внешнеполитической программы кн. В. В. Голицына и царевны Софьи, но было продиктовано вовлечением России в польские, шведские и османские дела, в которых французская дипломатия играла значительную роль.

Развитие проекта в 1680-х гг. имело и некоторое социально-профессиональное значение: в Посольском приказе к 1685 г. специалисты по французскому языку получили назначение в посольскую миссию и дополнительные денежные оклады. Во Франции, в свою очередь, также возникла потребность в переводчиках с русского языка, а образы прибывавших русских посланников использовались придворным церемониалом для демонстрации всемирного значения короля Франции, подчеркивая его внешнеполитический престиж [33, р. 66–67].

Вопреки существенной роли торгового проекта для развития русско-французских связей, изучение восприятия в России его экономических перспектив затруднительно. По материалам посольских книг можно отметить привлечение свидетельств о реальной торговле французов в России только при подготовке посольства С. Е. Алмазова и С. Ипполитова. При этом материалы касались организации экспедиции в Персию, а не конкретных случаев товарообмена. Возможно, что торговля с Францией могла рассматриваться частью русских придворных как альтернатива связям с Англией и Голландией, какой ее пытался показать датский резидент фон Горн. Однако наиболее вероятным представляется, то, что торговый проект к середине 1680-х гг. имел прежде всего внешнеполитическое, а не экономическое значение, связанное со стремлением развить сотрудничество с Францией в условиях конфликта с Османской империей, переговоров о Вечном мире с представителями Речи Посполитой и возможного столкновения со Швецией. Несмотря на то, что содержание самого русского предложения после 1681 г. не изменялось и не развивалось, именно торговый проект должен был создавать коммуникативное пространство для дальнейших русско-французских контактов.

Список источников и литературы

1. Андреев, А. Н. (2017). *Московская римско-католическая община в конце XVII в.: формирование, состав и конфессиональная жизнь* // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». Т. 17. № 4. С. 6–16.
2. Бантыш-Каменский, Н. Н. (1902). *Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Часть 4. (Пруссия, Франция, Швеция)*. Москва: Комиссия печатания государственных грамот и договоров при Московском главном архиве Министерства Иностранных дел. 463 с.
3. Безобразов, П. В. (1892). *О сношениях России с Францией*. Москва: Университетская типография. 468 с.
4. Блюш, Ф. (1998). *Людвик XIV*. Москва: Ладомир. 815 с.
5. Борисов, Ю. В. (1991). *Дипломатия Людовика XIV*. Москва: Международные отношения. 378 с.
6. «Брату нашему Лудвигу...»: переписка русских царей с королями Франции в конце XVI – начале XVIII в. (2021) / под ред. С. М. Каштанова. Москва; Берлин: Директмедиа Паблишинг. 272 с.
7. Бушкович, П. (2009) *Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725)*. Москва: Дмитрий Буланин. 542 с.
8. Велувенкамп, Я. В. (2006). *Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550–1785*. Москва: Российская политическая энциклопедия. 312 с.
9. *Восстание в Москве 1682 года: Сборник документов (1976)* / под ред. В. И. Буганова. Москва: Наука. 348 с.
10. Греков, И. Б. (1987). *Московский договор 1686 г. о «Вечном мире»* // Сотрудники Института славяноведения РАН. № 3. С. 101–102.
11. Замысловский, Е. Е. (1888). *Сношения России с Польшей в царствование Феодора Алексеевича*. Санкт-Петербург: Тип. В. С. Балашева. 90 с.
12. Казаков, Г. М. (2018). *Поездка подьячего Никиты Алексева в Швецию и Данию в 1682 г.* // Российская история. № 3. С. 121–133.
13. Козляков, В. Н. (2022). *«Ближние люди» первых Романовых*. Москва: Молодая гвардия. 343 с.
14. Кочегаров, К. А. (2008). *Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах: Заключение договора о Вечном мире*. Москва: Индрик. 504 с.
15. Майер, И. (2019). *Откуда был родом переводчик Иван Тяжкогорский? Историко-графические и лингвистические аргументы* // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Москва. С. 76–82.
16. Малов, В. Н. (1991). *Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество*. Москва: Наука. 167 с.
17. Опарина, Т. А. (2007). *Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии*. Москва: Прогресс-Традиция. 384 с.
18. *Первое заседание Совета торговли под председательством короля 3 августа 1664 г. (1925)* // Старый порядок во Франции. История в источниках. Москва; Ленинград: Госиздат. С. 29–31.
19. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 93. Оп. 1. 1680–1682 гг. Д. 1.
20. РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1680–1682 гг. Д. 2.
21. РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1685 г. Д. 1.
22. РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Д. 11.
23. РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Д. 7.
24. РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Д. 9.

25. *Сборник русского имп. исторического общества* (1881) / под ред. А. А. Половцова. Санкт-Петербург: Типография Имп. Академии Наук. Т. 34. 563 с.
26. *Статейный список П. И. Потемкина (Франция)* (1954) // Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки / под ред. Г. И. Зикеева. Москва; Ленинград: Наука. С. 227–318.
27. Флоря, Б. Н. (2013). *Внеинеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления*. Москва: Индрик. 448 с.
28. Флоря, Б. Н. (2018). *Проект русско-французского союза 1680 года против османов // Средние века*. Вып. 79(2). С. 139–146.
29. Форстен, Г. В. (2014). *Датские дипломаты при московском дворе во второй половине XVII века*. Москва: Директ-Медиа. 197 с.
30. АМАЕ, СР, Russie. Vol. 01.
31. Boissonnade, P., Charliat, P. (1929). *Colbert et la Compagnie de Commerce du Nord // Revue d'histoire économique et sociale*. Paris, 1929. Vol. 17. № 2. P. 156–204.
32. Flassan, G. (1811). *Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française*. Paris: Lenormant, 1811. 533 p.
33. Hennings, J. (2016). *Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725*. Cambridge: Cambridge University Press. 297 p.
34. Kraatz, A. (1993). *La Compagnie Francaise de Russie: Histoire de Commerce Franco-Russe aux XVII et XVIII siecles*. Paris: Éd. François Bourin. 212 p.
35. *Mercure galant*, Du mai 1681.
36. *Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu' à la revolution française. T. VIII* (1890). Paris: Ancienne librairie G. Bailliére et cie F. Alcan. 500 p.
37. Savary, J. (1675). *Le Parfaite Negociant. Paris: Les freres Estienne*. Pt. II. 488 p.
38. Schaub, M.-K. (2009). *Comment régler des incidents protocolaires? Diplomates russes et français au XVIIe siècle // L'incident diplomatique (XVIe-XVIIIe siècle)*. Paris: éditions A. Pédone. P. 323–336.
39. Tavernier, J.-B. (1676). *Les Six Voyages de Jean Baptiste Tavernier*. Paris: Gervai Clouzier et Claude Barbin. 756 p.

References

1. Andreev, A. N. (2017). *Moskovskaja rimsko-katolicheskaja obshhina v konce XVII v.: formirovanie, sostav i konfessional'naja zhizn'* [The Moscow Roman Catholic community at the end of the 17th century: formation, composition and confessional life]. in *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Social'no-gumanitarnye nauki»*, t. 17, 4, 6–16. (in Russian).
2. Bantysh-Kamenskij, N. N. (1902). *Obzor vneshnih snoshenij Rossii (po 1800 god). Chast' 4. (Prussija, Francija, Shvecija)* [An overview of Russia's foreign relations (to 1800). Part 4 (Prussia, France, Sweden)]. Moscow: Komissija pechatanija gosudarstvennyh gramot i dogovorov pri Moskovskom glavnom arhive Ministerstva Inostrannyh del. (in Russian).
3. Bezobrazov, P. V. (1892). *O snoshenijah Rossii s Franciej* [On Russia's relations with France]. Moscow, Universitetskaja tipografija. (in Russian).
4. Bljush, F. (1998). *Ljudovik XIV* [Louis XIV]. Moscow: Ladomir. (in Russian).
5. Borisov, Ju. V. (1991). *Diplomatija Ljudovika XIV* [Diplomacy of Louis XIV]. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija. (in Russian).
6. «*Bratu nashemu Ludvigu...*»: *perepiska russkih carej s koroljami Francii v konce XVI – nachale XVIII v.* (2021) [“To our brother Ludwig...”: correspondence between the Russian tsars

and the kings of France in the late 16th and early 18th centuries], redactor S. M. Kashtanov. Moscow; Berlin, Directmedia Publishing. (in Russian).

7. Bushkovich, P. (2009). *Petr Velikij. Bor'ba za vlast' (1671–1725)* [Peter the Great. Struggle for power (1671–1725)]. Moscow, Dmitry Bulanin. (in Russian).

8. Veluvenkamp, Ja. V. (2006). *Arhangel'sk. Niderlandskie predprinimateli v Rossii. 1550–1785* [Arkhangelsk. Dutch entrepreneurs in Russia. 1550–1785]. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija. (in Russian).

9. *Vosstanie v Moskve 1682 goda: Sbornik dokumentov.* (1976) [Uprising in Moscow in 1682: Collection of documents], redactor V. I. Buganov. Moscow, Nauka. (in Russian).

10. Grekov, I. B. (1987). *Moskovskii dogovor 1686 g. o «Vechnom mire»* [The Moscow Treaty of 1686 on the "Eternal Peace"] in *Sotrudniki Instituta slavyanovedeniya RAN*, 3, 101–102 (in Russian).

11. Zamyslovskij, E. E. (1888). *Snoshenija Rossii s Pol'shej v carstvovanie Feodora Alekseevicha* [Relations between Russia and Poland during the reign of Theodore Alexeevich]. St. Petersburg, Tip. V. S. Balasheva. (in Russian).

12. Kazakov, G. M. (2018). *Poezdka pod'jachego Nikity Alekseeva v Shveciju i Daniju v 1682 g.* [Official Nikita Alekseev's visit to Sweden and Denmark in 1682] in *Rossijskaja istorija*. 3, 121–133. (in Russian).

13. Kozljakov, V. N. (2022). «*Blizhnije ljudi*» *pervyh Romanovyh* [«Blizhnije ljudi» of the first Romanovs]. Moscow, Molodaya Gvardiya. (in Russian).

14. Kochegarov, K. A. (2008). *Rech' Pospolitaja i Rossija v 1680–1686 godah: Zakljuchenie dogovora o Vechnom mire* [The Polish-Lithuanian Commonwealth and Russia in 1680-1686: Conclusion of the Eternal Peace Treaty]. Moscow, Indrick. (in Russian).

15. Majer, I. (2019). *Otkuda byl rodом perevodchik Ivan Tjazhkogorskij? Istoriograficheskie i lingvisticheskie argumenty* [Where was the translator Ivan Tyazhkorski from? Historiographical and linguistic arguments] in *Perevodchiki i perevody v Rossii konca XVI – nachala XVIII stoletija: materialy mezhdunar. nauch. konf.* Moscow. 76–82. (in Russian).

16. Malov, V. N. (1991). *Zh.-B. Kol'ber. Absolutistskaja bjurokratija i francuzskoe obshchestvo* [J.-B. Colbert. Absolutist bureaucracy and French society]. Moscow, Nauka. (in Russian).

17. Oparina, T. A. (2007). *Inozemcy v Rossii XVI–XVII vv. Oчерki istoricheskoy biografii i genealogii* [Foreigners in Russia in the 16th-17th centuries. Essays on historical biography and genealogy]. Moscow, Progress-Tradicija. (in Russian).

18. *Pervoe zasedanie Soveta trgovli pod predsedatel'stvom korolya 3 avgusta 1664 g.* (1925) [First meeting of the Board of Trade presided over by the King, 3 August 1664], redactor S. D. Skazkin. in *The Old Order in France. History in sources.* Moscow; Leningrad, Gosizdat. 29–31. (In Russian).

19. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA)]. F. 93. Op. 1. 1681. D. 1. (in Russian).

20. RGADA. [RGADA]. F. 93. Op. 1. 1681. D. 2. (in Russian).

21. RGADA. [RGADA]. F. 93. Op. 1. 1685. D. 1. (in Russian).

22. RGADA. [RGADA]. F. 93. Op. 1. D. 11. (in Russian).

23. RGADA. [RGADA]. F. 93. Op. 1. D. 7. (in Russian).

24. RGADA. [RGADA]. F. 93. Op. 1. D. 9. (in Russian).

25. *Sbornik russkogo imperatorskogo istoricheskogo obshchestva* (1881) [Collection of the Russian Imperial Historical Society], redactor A. A. Polovtsov. T. 34. St. Petersburg, Tipografiya Imp. Akademii Nauk. (in Russian).

26. *Stateinyi spisok P. I. Potemkina (Frantsiya)* (1954) [Article List of P. I. Potemkin (France)] in *Puteshestviya russkikh poslov XVI–XVII vv.: Stateinye spiski*, redactor G. I. Zikeev. Moscow; Leningrad, Nauka, 227–318. (in Russian).

27. Florja, B. N. (2013). *Vneshnopoliticheskaja programma A. L. Ordina-Nashhokina i popytki ee osushhestvlenija* [A. L. Ordin-Nashchokin's foreign policy programme and attempts to implement it]. Moscow, Indrik. (in Russian).
28. Florja, B. N. (2018). *Proekt rusko-francuzskogo sojuza 1680 goda protiv osmanov* [Project of the 1680 Russo-French alliance against the Ottomans] in *Srednie veka*. 79(2), 139–146. (in Russian).
29. Forsten, G. V. (2014). *Datskie diplomaty pri moskovskom dvore vo vtoroj polovine XVII veka* [Danish diplomats at the Moscow court in the second half of the 17th century]. Moscow, Direkt-Media. (in Russian).